

Подъезд 3
Кв. 73-107

Дмитрий Коробков

День
открытых
дверей

Сборник рассказов

Дмитрий Коробков

**День открытых дверей.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Коробков Д.

День открытых дверей. Сборник рассказов / Д. Коробков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833763-5

В представленном сборнике рассказов собраны разные жанры. За открытой дверью читателя встретят детектив и юмор, философские размышления и очерк, любовь, горе и, конечно, счастье. В повседневной жизни иногда случаются самые яркие моменты, которые многое меняют. Горе и счастье столь тесно переплетаются между собой, что порой их можно даже перепутать.

ISBN 978-5-44-833763-5

© Коробков Д.
© Издательские решения

Содержание

День открытых дверей	6
Одиночество	12
Внучок	15
Волшебный мел	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

День открытых дверей Сборник рассказов

Дмитрий Коробков

© Дмитрий Коробков, 2019

ISBN 978-5-4483-3763-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День открытых дверей

– Что здесь произошло?

– Что случилось? – вопрос звучал от каждого, кто спешил оказаться поближе к месту происшествия.

– Надо вызвать «скорую» и милицию, – слышались предложения. Однако все собирающиеся зеваки полагались на кого-то. Это обязательно должен сделать кто-то другой, а ему самому нужно всё как следует рассмотреть.

С улицы к подъезду жилого дома сбежалось человек пять – семь, которые находились неподалёку и легко откликнулись на любопытствующие возгласы первых. Они застыли на безопасном расстоянии от предмета их внимания и пытались подробнее рассмотреть его. А этим предметом был человек. Да, он был человеком ещё некоторое время назад, но теперь стал неодушевлённым предметом, бездыханно лежащим на асфальте в неуклюжей позе. Под безжизненным телом растекалась кровь, некогда несущая жизнь в этом теле. Раскалённый асфальт охотно впитывал в себя густую жидкость.

– Тут «скорая» уже не нужна, – констатировал чей-то рассудительный голос, – ментов надо звать.

– Откуда же он упал?

И все, дружно задрав головы вверх, стали рассматривать балконы и окна жилого дома, у которого лежал неизвестный. В летний день многие окна открыты. Застеклённые балконы тоже проветривались. Кондиционеров на фасаде дома было не более десятка.

– Не с крыши же он грохнулся, – подметил кто-то, – одет по-домашнему.

– В трусах-то, конечно. Может покурить вышел на балкон?

– Нет. Тогда бы он закричал.

– Криков не было? Никто не слышал?

– Нет. Мы все тут рядом были.

– Сам покончил... Специально мимо подъездного козырька прыгнул, прямо на асфальт.

– А может спяну?

Версии продолжали множиться и обсуждаться. Минут через десять, наконец, подъехала полиция, – вездесущий дворник вызвал наряд. Теперь стало много дворников болтаться

по дворам. Ближнее зарубежье со своими гастробайтерами не даст погрязнуть в мусоре российских городам.

– Разойдитесь граждане, – скомандовал страж порядка, – дайте пройти.

Люди расступились.

– Кто из этого дома? – поинтересовался полицейский чин сержантского достоинства, доставая из кармана блокнот.

– Нет, я не из этого, – пожав плечами, отступил в сторону один из зевак, – так просто мимо проходил.

– Я из этого дома, – откликнулась женщина, – только я никого не знаю, мы только недавно здесь квартиру сняли.

– Ясно, никого, значит, – он хмуро оглядел всех присутствующих.

Из машины не торопясь вышел второй полицейский. Поправляя на плече автомат, он подошёл к подъезду.

– Давай сюда консьержа, – скомандовал ему коллега с блокнотом.

– «Скорую» я вызвал, – сообщил водитель, остававшийся сидеть в машине с распахнутой дверью.

Автоматчик стал барабанить кулаком в дверь. Кнопки набора кода домофона у подъездной двери присутствовали, а вот прямая связь с консьержем отсутствовала.

– Что? Кто там стучит? – послышалось из-за двери.

– Полиция! Открывайте дверь!

Дверь запищала и в проёме появилась женщина в годах.

– Пройдите сюда, – предложил ей полицейский, – посмотрите, этот мужчина из вашего дома?

Женщина робко подошла к расступившимся зевакам.

– Ай! – она обеими руками схватилась за лицо, отшатнувшись назад.

– Опера через минуту будут, – вновь проинформировал своих коллег водитель, – всё, вроде всех обзвонил.

– Так что, женщина, ваш жилец? – повторил вопрос полицейский.

– Наш, кажется, из семьдесят третьей квартиры.

– Какой же он жилец, – пробубнил кто-то из зевак.

Сержант с блокнотом исподлобья взглянул на остроумного свидетеля. Тот виновато опустил глаза вниз.

– Смотрите внимательно, – продолжил полицейский, обращаясь к консьержке, – женщина, это точно? Окна этой квартиры где? Какой этаж?

– Этаж... Я так сразу не соображу. Пойдите, у них трёшка. Сюда балкон выходит и окна тоже, – она задрала голову вверх и стала показывать вытянутой рукой, – вон открыта рама на балконе, застеклённый, видите? А окна все закрытые.

– Там все балконы застеклённые. Рамы какие, деревянные, что ли?

– Точно, деревянные.

Опергруппа и «скорая» подъехали одновременно.

– Из подъезда никто не выходил и не входил, – доложил автоматчик.

– Тут подъезд проходной? – оперативник обратился к консьержке.

– Проходной, – подтвердила она, – только задняя дверь всегда заперта, а ключ у меня.

– Проверим, – оперативник подошёл к лежащему на асфальте человеку, – узнали кто он, откуда упал?

– Консьержка говорит, что вон с того балкончика. Может, курил?

– Этот не курящий был, – вмешалась консьержка, продолжая смотреть на тело окружённое медиками с полицейскими, и качала головой, – выпивать бывало выпивал иногда, видела, но не курил.

– Спьяну, – заключил старший прибывшего наряда, запихивая свой потрепанный блокнот обратно в карман.

– Медики заключение дадут, – ответил оперативник.

– Может с горя, – вновь вмешалась консьержка.

– С какого ещё горя? – заинтересовался оперативник, открывая папку с бумагами.

– Жена у него недавно умерла.

– О, как! А почему?

– Несчастный случай.

– Упала тоже? – закуривая, поинтересовался сержант.

– Так не шутят! – одёрнула полицейского женщина, – передозировка случилась.

– Ничего себе, – чуть не выронив сигарету изо рта, удивился тот, – она наркоманка, что ли, была?

– Вы совсем ненормальный? – возмутилась консьержка.

– Тётя, ты ничего не попутала? С кем разговариваешь? – возмутился правоохранитель.

– Ладно, отойди, я сам допрошу, – оперативник отодвинул рукой полицейского в сторону, – какая передозировка?

– Инсулином. Диабетиком она была. Ну и... Говорят попутала...

– Давно это было?

– С месяц назад, примерно.

– Что, муж сильно пить стал?

– Не знаю точно. Выпившим видела. А уж что и как у них там дома было, не могу сказать.

– Кто ещё с ним жил? Семья благополучная? – оперативник стал делать пометки в своих бумагах.

– Нормальная семья. Дети жили. Двое. Старшая дочь и сын. Но тоже уже взрослый.

– Медики констатировали смерть, – подошёл второй оперативник, – есть запах алкоголя.

А дальше вскрытие.

– Понятно. Пойдём в квартиру. Надо детей найти и вызвонить. Понятых возьми. Из ДЭЗа работников, может дверь вскрывать придётся. У него-то нет ключей?

– Где, в трусах? За ДЭЗовцами дворника уже послали, сейчас будут. А если женщина квартиру перепутала? Вскроем да не ту?

– Женщина, вы уверены, что он именно из семьдесят третьей квартиры? Ведь если вы ошиблись...

– Уверена. Они никогда мне не платили, мол, не нужна я здесь в подъезде. Да и была я в той квартире месяц назад. Приглашали меня другие милиционеры, когда жена его...

– Ну, тогда пройдёмте. Открывайте дверь, показывайте свои владения.

Консьержка открыла входную дверь своим ключом, пропуская оперативников.

– Вторая дверь во двор выходит?

– Да. Вот ключ у меня, – женщина сняла его с гвоздика в своей комнатухе.

– И что никто ей не пользуется?

– Пользуются, часто. Когда мебель, какую привозят или наоборот, выбрасывают. Там от лифта и сразу на улицу. Дверь распашная, любой диван протащить можно. А парадная дверь по-уже и двойная с поворотом...

– Значит, вы её открываете, только когда кому-нибудь нужно?

– Да. А потом всегда закрываю, чтобы не шастали, кто попало.

– Вы без выходных работаете?

– Ну как же? С выходными.

– А как дверь открыть в ваше отсутствие?

– Есть ключ у нашей старшей по подъезду из сороковой квартиры. Она почти всегда дома. Все жильцы об этом знают и обращаются к ней.

– А вы ключ кому-нибудь передавали?
– Бывало, что оставляла. Там если ремонт кто делает, ну что они меня каждый раз дёргать будут. Возьмут ключ и пользуются, пока материалы завозят, или мусор выбрасывают. Контейнер мусорный у нас во дворе стоит.

– Дверь закрыта! – проверил второй оперативник.

– Это уже не важно. Итак, понятно, дубликат мог себе сделать кто угодно.

– Хочешь сказать, что пока мы там, у подъезда стояли...

– Не думаю. Кому нужно сбрасывать его? Но фактом остаётся, что из дома можно незаметно выйти или войти.

– Это точно, кому он нужен?

В подъезд вошли сотрудники ДЭЗа, понятые и полицейский сержант из наряда.

– Пройдёмте в квартиру, – оперативник вошёл в грузовой лифт, – вы тоже с нами, – пригласил он консьержа.

Поднявшись на этаж, подошли к общей двери, отделявшей лифтовый холл от квартирного. Инспектор дёрнул ручку металлической двери, и она открылась.

– Не заперто. Перчатки есть? – обратился он к напарнику, – вдруг отпечатки снимать придётся с квартирной двери.

– Есть.

Надев перчатки, оперативники подошли к квартирной двери.

– Все остальные пока здесь по стойте.

Аккуратно нажав на ручку замка, оперативник толкнул дверь. Она свободно открылась.

– И здесь не заперто. Ничего ломать не придётся.

Оперативники вошли в квартиру.

– Смотри! – один из них указал на ключи, валяющиеся на полу.

Дальше, на пути в комнату лежали скомканные джинсы, словно их снимали на ходу и там же бросили. В комнате пахло спиртным. На полу были следы разлитой жидкости, валялись две пустые бутылки из-под водки. Дверь на балкон была открыта.

– Такое впечатление, будто он сгонял в магазин, и пить начал прямо по дороге домой. Двери не закрыл. Ключи бросил. Штаны «повесил»...

– Похоже на то. Ну, так нам проще, – вывалился с балкона и делу конец.

– А что там консьержка плела про суицид с горя?

– Оно тебе надо? Заморачиваться с этим...

– Ну, так, из любопытства. Давай её сюда, а всех остальных отпусти. Понятые пусть подпишут протокол, потом подробности допишем.

В квартиру осторожно вошла консьержка.

– На кухню проходите, здесь поговорим, – пригласил её оперативник, снимая перчатки.

Женщина прошла в кухню.

– Присаживайтесь, тут вроде почище будет. Так что вы там говорили про передозировку?

– Диабетиком она была.

– Это я понял. Ну, так она дозы своей не знала или перепутала?

– Не всё так просто... Дозы у неё вообще не было.

– Как это?

– У неё был диабет второго типа.

– И что, это хуже или лучше? Сколько всего типов-то?

– Два. Первый и второй. При первом обязательно колоться инсулином надо. А со вторым необязательно.

– Необязательно или не надо?

– Необязательно вроде или не надо... Я сама плохо в этом разбираюсь.

– А зачем же она укололась, если ей не прописано? И где инсулин взяла?

– Так у них дочка на инсулине, у неё первый тип. У них в холодильнике тогда нашли шприцы с инсулином.

Оперативник встал и подошёл к холодильнику. Открыв дверцу, осмотрел, выдвинул прозрачный ящик для хранения овощей. В нём были сложены цветные коробки. Он взял вскрытую покрутил её в руках.

– Это, что ли?

– Это, это.

– Тут не шприцы. Маркеры какие-то.

– Они и есть. Ручка-шприц называется, или шприц-ручка. Я ж говорила, что меня тогда приглашали. Видела я, когда медик тут всё осматривал, проверял...

– Ладно, – он положил коробку обратно, закрыв холодильник, – так зачем она укололась-то, если ей этого не прописывали, я так и не понял?

– Как тогда говорили, и домашние это подтверждали, уж больно она к сладкому была неравнодушна. А таблетки, что для диабетиков второго типа слабенькие. Вот и говорили, она сама, мол, тортика себе отрежет и тайком уколетса немножко, чтоб сахар в крови не зашкалил.

– А если зашкалит, что будет?

– Сахарная кома будет.

– Смертельно?

– Не знаю. Наверное. Кома ведь.

– Так, а с ней как это произошло?

– Переборщила чуток. У неё, говорили, ещё с памятью не всё благополучно было. Наверное, сделала укол, съела кусочек торта, а потом опять укололась. В общем, от переизбытка инсулина тоже кома наступает. Только эта кома ещё страшнее сахарной. Здесь нужно срочно колоть глюкозу, пихать в рот сахар, и прочее такое. А кто это делает, когда она дома одна была?

– Ничего себе! А я думал, что от диабета только толстеют.

– Как раз наоборот, толстые наиболее склонны к диабету. Но это второго типа, которые без инсулина обходятся.

– А первый от чего случается?

– Кто ж его знает? Причин много разных может быть. Стрессы разные, врождённость... Но им чаще в детстве заболевают.

– И не лечится?

– Нет. Не лечится...

– Ну, пойдём, что ль, – напарник поторопил своего коллегу, – труп увезли, криминала здесь никакого нет, нам тут делать нечего.

– Да, поедем.

Все направились к выходу.

– Двери мы оставим открытыми, как были, просто прикроем, – обратился оперативник к женщине, – увидите детей, скажите им, что случилось. Передадите мой телефон, вот карточка, пусть сразу со мной свяжутся. Мы с ними потом оформим всё как положено, все формальности. А Вы вот здесь мне распишитесь.

– Хорошо, передам, – женщина расписалась в указанном месте.

Спустившись вниз, консьержка заняла своё место в остеклённой будке, а оперативники уехали.

На кухне за столом сидели осиротевшие сестра с братом.

– Ну что, как делить будем? – поинтересовался брат.

– А что тут делить? Ты поедешь в двушку, а я останусь здесь.

– Почему это я туда поеду? Поезжай сама. Я тут жить привык.

– Не гунди. Можешь пока здесь пожить. Та квартира всё равно ещё жильцами по договору аренды занята. А потом перебирайся туда.

– Я всю чёрную работу сделал, и мне в двушку ехать? Тебе не жирно будет?

– Не жирно! Кто укол делал? А потом я старшая! И всё придумала тоже я. А так бы ещё лет двадцать с ними жить, а в старости ещё и жопу вытирать! Ясно?

– Ясно, ясно...

– Ты, кстати, ключ от задней двери не забыл выбросить?

– Выбросил.

Одиночество

Борис Михайлович, не спеша брёл к своему дому. Батон хлеба, и коробка яиц лежали в его пакете. Как мало, стало ему нужно. Раньше, денег постоянно не хватало, даже когда неплохо зарабатывал. А теперь, остаются излишки от небольшой пенсии. «Похоронные» деньги давно отложены, и дети проинформированы о тайном месте их хранения. Никто не должен страдать материально, когда его не станет. Дети живут отдельно, и жена, ушла из этого мира. Как часто он хотел побыть один, раньше. Отдохнуть от суеты и постоянного галдежа городской жизни. Забраться в какую-нибудь лесную глушь, но обязательно с речкой, поселившись в отшельнической избушке. Он был неприхотлив в быту, и еде. Хотя, в былые годы, с лёгкостью мог позволить себе «шиковать». Но омары съедены, а прошлые путешествия по дальнему, и ближнему зарубежью, как старая киноплёнка – в архиве его памяти. Память, слава Богу – пока ещё в полном порядке, как и рассудок. Странное ощущение: ты жив, но тебя, словно уже ни для кого нет. Тебя не замечают. Ты никому не нужен. Никто просто не знает о твоём существовании, разве что коммунальные службы, и пенсионный фонд исправно, и ежемесячно приветствуют тебя.

Зазвонил телефон.

– Да, привет! Хорошо. Какие у меня дела? Гуляю, вот, в магазин ходил... Конечно. Позвони, только. Пока, – тень улыбки скользнула по лицу старика.

«Странная натянутость разговора с сыном. А ведь раньше мы с ним болтали. О чём? Интересно, я был хорошим отцом? Нет, конечно, не идеальным. Ругался, наказывал, что ещё? Бил? Но только в глубоком детстве, ладошкой по попе, да через шубу... Наверное, не очень хороший, или не очень плохой? Был... Я и сейчас ещё отец, только... Выросли детишки. Зато теперь, как говорится: „И умирать не страшно“. А когда было страшно, и что такое, этот страх смерти? Других страхов, что ли мало. Иной раз бывало, жить страшнее...»

«Но почему плохой? Нормальный. Другим уж всё равно теперь не стать. Играли, рисовали, гуляли... Им было интересно со мной, и весело. И дочка, как она радовалась моему возвращению с работы! Бежала мне навстречу, раскинув свои маленькие ручки для объятия. А я шёл, и страшно боялся. Боялся, что она может споткнуться и упасть. Хотелось рвануться к ней, но страх спровоцировать её на ответное движение удерживал меня. «Только бы не упала, – звучало в голове». Такая маленькая и ласковая хохотушка. Да.

Капризный, в детстве, сынуля пытался кричать на всю округу, за что и получал шлепок по заднице. Благо, что тот «капризный» период прошёл очень быстро, почти незаметно. Ещё до детсада. Доброта и отзывчивость стали его «визитной карточкой». Впрочем, это можно отнести к обоим детям. Хотя, чуть-чуть наглости им бы в жизни не помешало. Оба любили утреннюю рыбалку. Сначала, я брал с собой дочь. Потом, сын стал ходить со мной. Теперь, я и сам не помню, где лежат удочки.

Я их часто баловал, но порой бывал и жестковат. Но так я отец, а не мамаша, со слюнявчиком в руках... Как недавно, и уже совсем давно, всё это было. Какие взрослые стали дети, но всё ещё глупые. Только теперь не слушаются, и советов почти не спрашивают, – взрослые... Свои ошибки нагляднее. Глупыши. Не стоит торопиться отказываться от детства. Чем дольше ты его сохранишь, – тем лучше. В душе, конечно. В поступках, взрослеть лучше пораньше. Всё

должно быть вовремя. Вот теперь я много знаю. Опыт жизненный огромный. Столько повидал, испытал, прочитал и познал, что пора помирать. Всё это ненужно даже мне».

Старик, вдруг заглянул в свой пакет: «Молоко забыл! Ну, и ладно. Схожу вечером, или завтра утром. Теперь не к спеху. Это ж не то, что было раньше: хоть дождь, хоть снег, хоть камни с неба – вставай и беги на молочную кухню за детским питанием! Молоко, кефир, творожок. Вкусный творожок-то был... Выросли детки».

Михалыч остановился у детской площадки, и присел на лавочку. В утренние часы, здесь было пусто и тихо. Молодые мамочки ещё не вышли на прогулку со своей ребятнёй. Детсадовских, – тащили за руку к манной каше, а школьники обречённо несли свои рюкзаки, набитые учебниками, словно «Бурлаки на Волге».

«Люблю утро: свежо, светло, и всё устремлено вперёд, в будущее. То самое время, когда ты, вполне оправданно, никому не нужен».

Сколько друзей, и товарищей было у Бориса в молодости! И вот теперь, – один. Кто-то умер, но не все. С большинством он сам прервал отношения. Не терпел предательства и фальши. Некоторые исчезли сами, когда Михалыч, потерял значимую должность. Конечно, это были не друзья, и даже не товарищи. Просто им всем, было что-то нужно от Бориса. Кому – халява, выгода, а кому – факт дружбы со статусным человеком.

«Наверное, всё-таки не страшно, когда от тебя чего-то хотят, – подумал он, – гораздо хуже, когда перестают общаться, если им ничего материального от тебя уже не нужно. Но и сожалеть о таких потерях не стоит. Это не страшно, и даже не обидно. Разве может быть страшно, когда просто теряешь ненужное, случайное, как дорожная грязь? Немного жаль. Жаль, что волочил её за собой...»

Старик откинулся на резную спинку лавочки, и прикрыл глаза, слушая птичий щебет.

«Только бы не впасть в маразм! Раз уж смерть неизбежна, то хотелось бы уйти достойно, и в здравом рассудке. Не хочется ослепнуть. Оглохнуть, тоже плохо. Потерять способность передвигаться самостоятельно. Что ещё? Кажется всё. Да, это меня пугает больше, чем сама старуха с косой. Подумаешь, старуха... Да и я не молодой. Старик давно. Как закручу с ней любовь... Сладка будет смерть от любви. Хм. Давненько о любви не вспоминал. Скольких я любил... И ещё больше были влюблены в меня. Но то всё было, кажется до жены. И с ней мы прожили неплохо. Сначала, даже хорошо. В конце вот только, как-то не очень. Однако хорошего было значительно больше, чем дурного. Интересно, мы встретимся с ней после смерти, там..?»

Солнце поднималось всё выше, испаряя утреннюю прохладу. Тёплые лучи прогревали воздух.

«Но почему человек боится смерти? Рождённый в муках, с криками боли матери. Что страшит человека? Забвение, неизвестность, или осознание того, что уснув навсегда, тебя сожрут черви. Есть кремация, не лучшая процедура. Никогда боле, тебе не открыть глаза новому дню. Не обнять родных и близких. Не услышать их голоса, как и этих птах... Нечего бояться, и нечего скулить! Я всегда жил, не боясь ничего. Конечно, в лесную избушку я теперь, и сам не полезу. Одиночества мне теперь в достатке, и в городской квартире. Много мне не надо, прямо – Диоген, хм. Никогда не любил этого философа. Злобный хмырь. Хотя многое

из его утверждений и афоризмов актуально звучат и сегодня, отражая современную действительность. Но мы итак все Диогены! Из ёмкости – утробы, появившиеся на свет. И в ёмкости – гробу покинем его. Разница лишь будет заключаться в стоимости последней ёмкости. Дорогая, лакированная древесина, или картонная коробка. Однако этот крошечный промежуток времени: «От Диогена до Диогена» сидеть в бочке глупо.

Вынужденный аскетизм, когда-то это был образ жизни многих людей. Не было не только дачи, машины, но и часто необходимого. Да, почти ничего не было. Стал хорошо зарабатывать – купил машину. Ну, лет много прошло, менялись и машины. Старался построить дачу для детей. Чтоб было, где лето провести: на воздухе, у реки... А если дом большой и тёплый, так и зимой приехать можно. Построил. И как им было хорошо там! Пока были маленькими. Что теперь? Теперь уж всё не так. Есть машина: мне уж не нужна, а детям стыдно ездить на такой. Есть дача: опять же мне не очень то нужна. Да и раньше не была нужна только для себя. Я ж там не отдыхал, а только строил. А дети выросли и тоже ездить перестали. Помру, наверно продадут... А своих детей, куда летом вывозить будут? Всё лето на «Всё включено» не выйдет... Эх».

Тень сожаления скользнула по его лицу.

«Однако нужно продолжать жить, на всю ту, полную катушку, которая мне ещё по зубам. „По зубам“, – громко сказано! Зубов-то почти и не осталось. Но дети, пусть запомнят меня не старым брюзгой, а тем, какой я был. И дочке нужно позвонить самому, нечего обижаться. У них дела, заботы... Может помочь, чем надо? Советы, им уж не очень нужны, но вдруг что?»

Михалыч не спеша поднялся с лавочки и направился к дому.

Внучок

- Ну что, дед, собрался что ли?
- Давно собрался. Жду, пока ты в двадцать пятый раз свои чемоданы проверишь.
- Сам ты чемодан! Сидишь, как пень старый! Всё тебе до лампы!
- Тоже мне, молодуха нашлась...
- Помог бы лучше!
- А я и так тебе помогаю – не мешаю.
- У-у, – коротко подытожила женщина.

Дед с бабкой собирались в город наконец-то проведать свою дочь и увидеть дорогого внука.

Нет, они были далеко не дряхлыми стариками. Дедом и бабкой Виктор с Ириной стали, когда у дочери Ольги родился сын и их внук Ванечка. Так получилось, что она вышла замуж за Валентина и почти сразу же уехала с ним за границу. Его направили туда в длительную командировку. Там у молодожёнов и родился их, пока ещё единственный, но с надеждой, что не последний, внучок. Отъезд в командировку был такой скорый, что Ольгины родители даже не успели побывать у дочери с зятем в гостях на новой квартире.

Теперь молодая семья вернулась на родину в свой город. Так что этот визит становился не просто свиданием с дочерью. Они должны были впервые увидеть своего внука Ванечку. Ну и заодно, справить новоселье. Поэтому полученное известие о возвращении родных уже неделю как не давало покоя новоиспечённой бабушке Ире. Именно такой срок они сообща определили на обустройство семьи в квартире. Эта неделя одновременно тянулась как вечность для бабки с дедом, которые, тем не менее, без усталости кружились, собираясь в гости, и пролетела в мгновении ока для Ольги с Валентином. Муж уходил на работу, а молодая мама хлопотала по дому и занималась с сыном. Хорошо, что это время совпало со школьными каникулами. Местная ребятня целыми днями играла во дворе. Компания была дружная. Старшие присматривали за младшими, и многие родители без опаски отпускали своих детей. Все вместе они лепили снеговиков и крепости, которые потом брали штурмом, вооружённые снежками. Катались с ледяной горки и просто возились в снегу. Это обстоятельство давало Ольге дополнительное время и возможность заниматься домашней работой. Хотя возвращавшийся с прогулки пятилетний Ваня сам был похож на снеговика. Его одежда потом оттаивала на батарее радиатора.

Посёлок городского типа, в котором проживала «пожилая» чета отделяло от города всего два часа езды на электричке. Плюс время добраться до железнодорожной платформы и время на то, чтобы отыскать новую квартиру дочери.

Собрав, наконец, все вещи, гостинцы и подарки они вышли из дома. За оградой давно уже курил не первую сигарету сосед Сергей, который согласился подбросить их до платформы.

Он не торопил своих соседей, сам женат и прекрасно знаком с тем, как долго могут продлиться сборы, когда за дело берётся женщина. Толи дело они, мужики, – взял самое необходимое, оделся и пошёл. Однако запас времени позволял не подгонять соседей, тем более что они с Виктором сговорились обмануть Ирину о времени отправления электрички. Наговорили ей, что в зимние каникулы расписание изменено ровно на полчаса, и что, якобы, из-за этого сам Сергей попал накануне в неприятную ситуацию. Благо, что на их дорогах не существовало городских пробок. Это позволяло более точно рассчитать время в пути.

– Ну что, поехали, что ли? – Сергей выбросил очередной окурок в сугроб.

– Поехали, поехали, – вздыхая, подтвердил Виктор.

Загрузив багажник сумками, компания тронулась в дорогу.

– Ну как они там устроились-то? – завёл разговор Сергей.

– Мы ж не видели ещё, – Ирина посмотрела на часы, – торопиться нам надо.

– Вовремя вспомнила, – усмехнулся Виктор.

– Нет, и вправду, Серёж, можно побыстрее? – занервничала Ира.

– Вам к внуку надо или в больницу?

– К внуку.

– Ну, тогда не учи меня жить и крутить баранку.

К платформе приехали вовремя. Спокойно выгрузились, купили билеты и сели в подъехавший электропоезд. В электричке Ирина ещё несколько раз перечислила, что в какую сумку она уложила, проверила содержимое своей косметички. Окончательно успокоившись, что ничего не забыла, облегчённо вздохнула. Вагон был практически пустой. Супруги ехали глядя в большое окно, изредка переговариваясь. За окном мелькали леса, поля, деревни. В полях снег лежал сплошным, ровным покрывалом. Под новый год его выпало очень много. Раскидистые ветви деревьев покрывали большие пушистые шапки искрящегося снега. Изредка он «водопад» осыпался с деревьев под собственной тяжестью или потревоженный белками и птицами.

В городе взяли такси, как научила их Ольга. Проезд до её дома стоил не дорого, а добираться общественным транспортом очень неудобно. С сумками болтаться «на перекладных», по незнакомым местам – себе дороже. У въезда во двор таксист остановился.

– Вот тот дом, кажется, – показал он рукой, – второй, а я во двор не поеду. Мне там не развернуться. Вон какие сугробы там дворники наворотили.

Виктор с Ириной, навьючившись сумками, вошли во двор.

– А я думала, нет у них столько снега, – сказала Ира.

– Что ж он у нас только сыпался, что ли?

– Нет, конечно. Но в городе теплей как-то должно быть. Дома, машины, ветра меньше...

– Ветра меньше, а сквозняков больше. Надо у тех ребятшек спросить, где наш дом.

Во дворе шёл бой. Мальчишки и девчонки всех возрастов перекидывались друг в друга снежками.

– Я сама узнаю, – Ирина, поставив свои сумки в сугроб, стала перебираться вглубь двора, оставляя за собой колею.

Вдруг в её сторону побежала «отступающая армия». Маленький сорванец мчался прямо на неё под прикрытием взрослой девочки. Малец, опустив голову, вниз смотрел себе под ноги. А девочка то смотрела на него, чтобы не наступить на авангард отступления, то оборачивалась в сторону противника, бросившегося за ними в погоню.

– Тихо, тихо, тихо, – только и успела сказать Ирина глядя на несущийся «таран».

Мальчик врезался в женщину и отскочил в сторону. Ирина потеряла равновесие и, качнувшись, налетела лицом на лоб взрослой девочки. Та оглядывалась назад и в момент столкновения как раз поворачивала свою голову обратно вперёд. Удар получился сильным. Бабушка рухнула в сугроб. Война была остановлена.

– Хулиганы, – жалобно простонала Ирина, взявшись руками за глаз.

– Где этот мальчишка? – подскочил к жене Виктор.

– Он не виноват, – вступилась девочка, потирая свой лоб снегом, – это ведь я ударила.

– А он сбил её! – разве можно так играть и бегать совершенно не глядя?!

– Мы же не нарочно...

– Ещё бы не хватало, что бы вы нарочно это делали, – сказала Ирина, – ну-ка посмотри, что у меня с глазом, – обратилась она к мужу.

– Ого! – вскинул он бровями, – снег надо приложить...

– Что значит «ого»? – Ирина зачерпнула ладонью снег и прикрыла им глаз, – прощай тушь...

– Ну, фингальчик точно будет, – закивал головой Виктор, – а этих хулиганов нужно к родителям отвести. Почему одни болтаются по двору без присмотра?

– Я большая уже, – сказала девочка, – и могу гулять без родителей.

– А этот чей? – указал он на сидящего в сугробе мальчика.

– Он с нами. Со мной, – объяснила девочка.

– Вот и веди нас к его родителям, – продолжал Виктор, – мамы, понимаешь, выкинут детей на улицу и сидят себе дома по телефону трепаться.

– Нам же к внуку надо, – Ирина поменяла растаявшую горсть чёрного снега на новую порцию.

– Успеет. Приехали уже, – вдруг разошёлся молчаливый Виктор, – надо же этой мамаше показать твой фингал. Вот так и наш внучок попадёт в их хулиганскую компанию. Веди, – обратился он к девочке, – а вы вещи наши с дороги заберите, – кивнул он остальным ребятам, собравшимся вокруг потерпевшей.

Процессия из двух арестованных детей, двух взрослых и остальная «гвардия» с сумками проследовала в подъезд многоэтажного дома. Родители главного «хулигана» жили на втором этаже, на который поднялись без лифта. Девочка позвонила в дверь и виновато опустила голову вниз. За дверью послышались торопливые шаги. Дверь распахнулась. На пороге появилась женщина.

– Ой, мама! Что с тобой?

– Оля?

– Бабушка?

– Внучок!!! – подбитый глаз Ирины засверкал радостью сквозь размазанную тушь. Она села на корточки перед виновником своего падения и крепко прижала к груди маленького озорника.

Волшебный мел

Иван учился в начальной школе города N. На занятия он ходил с неохотой. Как-то не задалась у него в этом году учёба с первых дней. Озорной мальчишка никак не мог сосредоточиться на уроках после летних каникул. Был не внимателен, а потому домашние задания ему давались нелегко, но он их выполнял. Однако вызываемый учителем для ответа он терялся и путался. Пытаясь превратить свою растерянность в шутку, он только усугублял своё положение, поскольку учительнице приходилось успокаивать смеющийся над ним класс. Совсем перестало нравиться Ивану ходить в школу. Родители ругали его за двойки, не понимая, как он умудряется получать их за выученный урок. Они, как могли, помогали сыну разобраться с домашними заданиями, но Иван всё чаще стал уходить в какой-то свой, закрытый для всех мир.

Однажды, возвращаясь после уроков домой, Иван увидел в соседнем дворе девочку, рисующую мелками на асфальте. Ему захотел подразнить незнакомку, потоптав её «художества». Озорная улыбка от предвкушения мелкого хулиганства расцвела на его лице. Он подкрался сзади, и уже было занёс ногу на асфальтовое «полотно» девочки, как замер. Красочный рисунок привлёк его внимание, удержав от намеченной шалости. Она так вдохновенно рисовала на шершавой поверхности, что не замечала за спиной замершего зрителя.

– Что это? – наконец спросил Ваня.

– Страна. Моя сказочная страна, – ответила девочка, – нравится?

– Красиво. А, как ты, это..?

– Это всё волшебные мелки.

– Волшебные... Скажешь тоже, – недоверчиво хмыкнул Ваня.

– Они, как бы сами помогают мне рисовать, то о чём я думаю. И мне остаётся только водить рукой, – объяснила девочка.

– Ух ты! Мне бы так на уроках!

– Что на уроках?

– Да вот учу, учу, а у доски всё, что знаю, пишу с ошибками. Мне бы такой мелок волшебный, чтобы он не давал мне делать этих дурацких ошибок! Ведь я же знаю, как правильно...

– Вот возьми, – девочка протянула Ивану картонную коробку с мелками.

– Что? – отшатнулся он.

– Мелки мои, возьми!

– А как же ты рисовать будешь?

– Я уже нарисовала. Бери, – помогут!

Иван, растерянный от такого предложения смотрел, то на мелки, то на девочку и на её рисунок. Соблазн был велик. Ведь он действительно готовит все уроки дома. Родители его проверяют. Но в школе, перед классом, где все хихикают и строят рожицы, он пишет неизвестно что.

– Я только белый возьму, – решил мальчик.

Девочка улыбнулась, кивая ему головой. Иван взял из коробки белый мелок. С интересом рассмотрел его. Сел на корточки, доставая из портфеля тетрадку. Вынув из неё промокашку, завернул мел.

На следующий день учительница вызывала для ответа у доски учеников. Нужно было написать решения домашних задач по математике. Иван был готов, однако сам поднимать руку, вызываясь отвечать, он не торопился. Желание опробовать волшебный мел в действии соперничало с боязнью очередного провала. Волнение в груди школьника было столь велико, что у мальчика вспотели руки. Его не вызвали, а на перемене он успокоился. Урок русского языка так же не дал ему возможности опробовать волшебную силу мела. Он радовался и негодовал одновременно. «Но завтра меня точно вызовут, – подумал он, – надо будет хорошенько подготовиться, ведь мел напишет то, что есть в моей голове».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.